

Введенский А. И. Памяти Юрия Николаевича Говорухи-Отрока [Ю. Николаева] († 27 июля) // Богословский вестник 1896. Т. 3. № 8. С. 208–211 (3-я пагин.).

Памяти Юрія Николаевича Говорухи-Отрока

(† 27-го Іюля).

„Московскія Вѣдомости“ привесли печальную вѣсть: *скончался Ю. Н. Говоруха-Отрокъ* (Ю. Николаевъ), — одинъ изъ наиболѣе видныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ почтенной газеты. Утрата за утратой! Недавно мы оплакивали убѣжденнаго идеалиста и патріота, Н. П. Страхова; теперь приходится съ великою печалью и болью въ сердцѣ бросать горсть прощальной земли на преждевременную могилу его достойнаго друга, почитателя и единомышленника. „Богословскій Вѣстникъ“ не можетъ не занести на свои страницы этихъ именъ: эти люди служили тѣмъ-же идеальнымъ началямъ, которымъ стремится служить и онъ, влагали въ это служеніе весь свой талантъ, всю свою энергію, свои обширныя знанія и несли предъ вѣкомъ знамя чистаго идеализма съ учительнымъ мужествомъ.

Говоруха-Отрокъ главнымъ образомъ извѣстенъ, какъ литературный и художественный критикъ. Но его критика не имѣла ничего общаго съ легкимъ фельетоннымъ критиканствомъ. Нѣтъ. Въ ней, какъ ея основа и подночва, было заложено цѣльное и выработанное міросозерцаніе, въ которомъ органически объединялись всѣ основныя стихіи и начала православно-русской жизни и мысли. Широко образованный и во всякомъ случаѣ недюжинный мыслитель, необычайно впечатлительный и отзывчивый, Ю. Н. пользовался критикой, лишь какъ наиболѣе пригоднымъ средствомъ для развитія своего міросозерцанія примѣнительно къ конкретнымъ случаямъ и по поводу запросовъ живой дѣйствительности. „Критика, — такъ самъ онъ говорилъ не-

давно („Моск. Вѣд.“, № 167), — не только не исключаетъ цѣльнаго, законченнаго и высокаго міросозерцанія, а напротивъ требуетъ его, какъ необходимаго условія. Критика, не имѣющая въ своемъ основаніи такого міровоззрѣнія, обратится въ пустой и бесплодный скептицизмъ. О критикѣ можно сказать тоже самое, что Децій (*Два міра*, Майкова) говоритъ Ювеналу о сатирѣ:

Твой даръ—сатира. Помни жь,
 Что сатира - дочь разума.
 :
 Чтобъ міръ призналъ твои права,
 Ты долженъ самъ стоять высоко:
*Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
 Когда здорова тетива*“...

Тетива широкой, вдумчивой и напряженной мысли, съ которой слетала стрѣла, иногда безопадной, критики Ю-ія П-ча, была совершенно здорова и вотъ почему эта критика всегда была такъ вѣска и сокрушительна, и вотъ почему, съ другой стороны, она имѣетъ и большое положительное значеніе. Повторяемъ, въ многочисленныхъ критическихъ статьяхъ Ю-ія П-ча развито цѣлое, связанное міросозерцаніе и было-бы благодарной задачей собрать разрозненныя черты этого міросозерцанія и сложить ихъ въ тотъ цѣльный образъ, который одушевлялъ и окрилялъ мысль неутомимаго литературнаго труженика.

Юрій Николаевичъ скончался преждевременно и неожиданно, — отъ такой болѣзни, которая свидѣтельствуетъ о большихъ пережитыхъ имъ душевныхъ волненіяхъ и буряхъ, расшатавшихъ нервы и основныя отравленія организма (кровоизліяніе на мозгъ). И, дѣйствительно, онъ купилъ свое свѣтлое міросозерцаніе, лучами котораго озарена его критика, цѣною тяжелыхъ жизненныхъ испытаній и, вѣроятно, не менѣе тяжелой внутренней ломки и борьбы. Какъ истый сынъ печальныхъ семидесятихъ годовъ, онъ всосалъ въ себя, подъ вліяніемъ своихъ неофициальныхъ и даже официальныхъ руководителей (разумѣемъ профессоровъ университета), рекомендовавшихъ юношѣ чтеніе Писарева и К^о, ядъ либеральныхъ идей и только тяжелый тюремный искусь, оставившій даровитаго и искренняго юношу

на единѣ съ собою, заставилъ его свернуть на другую дорогу („Моск. Вѣдом.“, № 206)... Трагична эта судьба нашей молодежи и на многія мрачныя думы она наводитъ! Ужели у насъ, въ самомъ дѣлѣ, настоящія дарованія могутъ пройти къ свѣту только чрезъ тюремный искусъ?! Ужели даже оффиціальныя и призванныя руководители юношества попрежнему будутъ безпечно-равнодушны къ *направленію* мысли подростющихъ поколѣній?! Ужели они такъ-таки и не будутъ никогда сознавать, что часто именно *по ихъ винѣ* у насъ уродуются, надламываются и преждевременно гибнутъ многіе искренніе умы и дарованія?! Ужели мы еще долго будемъ стоять подъ игомъ закона: *отцы лдоша кислое, а зубы дѣтей оскомънишася?!*

Увы „поле идеализма“ у насъ дѣйствительно, повидимому, проиграно какъ сказалъ недавно одинъ изъ нашихъ выдающихся писателей (В. В. Розановъ),—проиграно въ неравной борьбѣ съ огустѣвшимъ равнодушіемъ ко всѣмъ чистымъ интересамъ мысли и жизни! Пусть-же эта новая могила,—могила, почти одинокаго, но мужественнаго борца за идеаль, за истинную свободу духовной личности, за православіе, самодержавіе и народность,—пусть эта могила напомнитъ еще разъ руководителямъ нашей мысли тревожный, смущающій вопросъ: когда къ намъ, „интеллигентамъ“, обращаются алчущіе духовнаго хлѣба,—подрастающія поколѣнія и такъ называемый „темный людъ“,—не даемъ-ли мы ему вмѣсто хлѣба камень или даже отраву? Если-бы, говоря словами нашего, особенно любимаго покойнымъ, поэта, —еслибы, „взалкавъ жгучимъ духовнымъ голодомъ“, весь этотъ жаждущій истинны людъ

... вдругъ о помощи возопіялъ-бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ, хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ и въ ту свѣтиль-бы тьму, —
Что дали-бъ мы ему?....

Покойный часто обращался къ своимъ читателямъ съ этимъ отрезвляющимъ, будящимъ самосознаніе и совѣсть, вопросомъ и, повидимому, этотъ вопросъ выражаетъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ, можетъ быть даже самый глубокой и

основной, мотивъ его критико - публицистической дѣятельности. Закончимъ и мы этимъ вопросомъ, навѣяннымъ на насъ самою судьбою почившаго, какъ-бы отъ его имени, свое краткое слово, посвященное его достойной памяти.

Миръ твоему праху, честный труженикъ!

Алексій Введенскій.

29-го Юля.
